

**ТРИ АЛЬФЫ:
ПРЕДНАЧЕРТАНЫ ОДНОЙ,
ОБМАНУТА ОДНИМ,
НО В ПАРЕ ЛИШЬ С ОДНИМ**

FlamingHorse

**Три Альфы: Предначертаны
одной, обманута одним,
но в паре лишь с одним**

«China Literature»

FlamingHorse

Три Альфы: Предначертаны одной, обманута одним, но в паре
лишь с одним / FlamingHorse — «China Literature»,

Содержание

Глава 1. Перед лицом новой реальности	5
Глава 2. Предательство	8
Глава 3. Приз больного пари	11
Глава 4. Цена молчания	14
Глава 5. Воображаемые враги	17
Глава 6. Психологическая пытка	20
Глава 7. Хитрый Альфа	22
Глава 8. Удар в самое сердце	24
Глава 9. Смертельная связь	26
Глава 10. Переназначение	28
Глава 11. Изменение Валери	30
Глава 12. Жестокость Майка	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Три Альфы: Предначертаны одной, обманута одним, но в паре лишь с одним

Глава 1. Перед лицом новой реальности

ПОВ Валери

– Лиззи.

Я позвала свою волчицу, но в ответ в моей голове раздалась лишь тишина там, где я обычно получала отклик.

– Лиззи, ты в порядке?

Я снова обеспокоенно позвала её.

Это был первый раз с тринадцати лет, когда я не получила ответа от своей волчицы.

В отличие от других оборотней, чьи волки пробуждались в шестнадцать лет, моя пробудилась в тринадцать.

Я помнила жгучую боль во всём теле и разрывающее ощущение того, как кости смещались и обретали новую форму во время моего первого обращения.

Мне некого было направить или утешить.

Я обратилась в одиночестве в своей тёмной комнате, и моими единственными спутниками были тишина и затхлый запах.

Странный, незнакомый дискомфорт распространился по моему телу, не давая уснуть.

Что-то было не так.

Я также боялась идти в больницу, так как тамошние врачи были такими же, как и все остальные в стае.

В лучшем случае они давали мне несколько обезболивающих и отпускали домой, какая бы проблема у меня ни была.

Иногда поход в больницу делал всё только хуже, а не лучше.

За эти годы я усвоила одно: терпи или умри.

Поэтому я давно привыкла к постоянной боли.

Однако сегодня я чувствовала себя совершенно иначе.

Это была не ноющая старая травма и не боль от новых ран, нанесённых мне кем-то из стаи.

Это было не похоже на начало обычной болезни.

На самом деле я вообще не могла объяснить, что именно я чувствовала, но это было слишком неприятно.

Я думала, что если усну, то, проснувшись утром, почувствую себя лучше.

Именно так и было последние восемь лет в стае.

Моя комната в задней части здания была тёмной и сырой, и в ней, в отличие от остального дома стаи, не было электричества.

Если бы у меня не было нескольких оставшихся свечей, я бы жила во тьме – совсем как моя жизнь и моё существование.

Я задула свечу, горевшую янтарным пламенем рядом с моим изношенным матрасом на сыром полу.

«Сегодняшняя ночь ничем не будет отличаться. Я должна перетерпеть этот дискомфорт».

Так я подумала, закрывая глаза и сворачиваясь в позу эмбриона ради того крупницы чувства защищённости, что она давала. Я начала считать овец, чтобы заставить себя уснуть.

Проблема была лишь в том, что, сколько бы овец я ни считала, я не могла уснуть.

Дискомфорт в теле усиливался с каждой минутой, и по какой-то неизвестной причине моя волчица, которая была со мной в самые тяжёлые времена, сегодня молчала.

Я запаниковала, когда попыталась позвать свою волчицу ещё раз, но не получила ответа. Неужели я потеряю свою волчицу, даже не узнав, как она выглядит?

Я помню тот день, когда впервые обратилась.

В темноте я даже не успела разглядеть, какого цвета была моя волчица, прежде чем почти сразу же обратилась обратно в человека.

Я думала, что если наш альфа и члены стаи узнают, что я настолько талантлива и пробудила свою волчицу так рано, они посмотрят на меня по-новому и прекратят издевательства и пытки.

Однако Лиззи остановила меня прежде, чем эта мысль успела полностью сформироваться в моей голове.

Это был первый раз, когда я услышала голос своей волчицы. Он звучал мило и по-детски, но был настоящим, и в нём не было ни упрёков, ни унижения.

Однако он предостерегал меня.

– Валери, ты никогда, ни за что не должна никому рассказывать о моём существовании, иначе нас с тобой постигнет та же участь, что и твоего отца.

От одного этого заявления моя кровь стала холоднее льда.

Мои мысли унеслись на много лет назад, в те времена, когда мне было всего десять.

Все мысли о сне улетучились из-за беспокойства о моей молчаливой волчице.

Я знала, что не могу никому рассказать о своей волчице.

Даже Карлу.

Но я подумала, что исчезновение Лиззи может быть как-то связано с тем дискомфортом, что я испытывала.

Кроме того, вспомнив, что мне нужно встать в четыре утра, чтобы приготовить всем завтрак, я подумала, что если проснусь и буду чувствовать себя ещё хуже, а не лучше, то у меня будут большие неприятности.

Если я не смогу выполнять свои ежедневные обязанности из-за болезни, меня ждёт визит в темницу и очередной раунд пыток.

В конце концов я решила не ложиться спать и пойти попросить помощи у Карла.

Возможно, он будет знать, что со мной не так, и подскажет решение, которое не приведёт к наказанию.

В любом случае, мне нужно было лишь проследить, чтобы не упоминать Лиззи.

Я считала Карла весьма сведущим, так как именно он научил меня почти всему, что я знаю.

Он был моим единственным другом.

Единственным человеком, который когда-либо относился ко мне как к человеку.

Приняв решение, я больше не стала задерживаться в постели и встала.

Я подобрала с пола в углу комнаты единственный тёплый и тёмный плащ, который у меня был, и надела его.

Плащ стирали так много раз, что его уже нельзя было назвать плотным.

Мех на нём настолько вытерся, что его практически не осталось.

Но я давно научилась довольствоваться тем, что у меня есть.

Тёмный цвет позволял мне слиться с ночной тьмой и мешал кому-либо обнаружить, что я брожу по ночам.

Если бы меня обнаружили, меня могли бы снова обвинить в воровстве.

С этой мыслью я вылезла через маленькое окошко своей тёмной комнаты и растворилась в ночи.

К счастью для меня, все считали меня обузой и поселили в кладовке в задней части дома стаи, так что о моём существовании можно было удобно забыть.

Это позволяло мне легко пробираться в свою комнату и выбираться из неё по ночам так, что никто об этом не узнавал.

Впрочем, я и так очень редко кралась по ночам, так как действительно слишком боялась быть пойманной.

Однако сегодня всё было иначе, так как мне нужно было увидеться с Карлом.

Поскольку мне приходилось выполнять поручения практически для каждого в стае, когда кому-то нужно было сделать что-то грязное или утомительное, я знала каждый сантиметр территории стаи лучше, чем альфа.

Я знала, где растёт каждая травинка и где спрячется каждый сверчок.

Таким образом, я смогла добраться до комнаты Карла на другой стороне дома стаи, не потревожив ни единой души.

Я несколько раз бывала в комнате Карла и днём, и ночью. Когда я приходила днём, то всегда под предлогом помощи с уборкой.

Это было единственное время, когда я могла спокойно побыть с ним наедине, и никто не усложнял мне жизнь.

Однако в те разы, когда я пробиралась к нему ночью, мне приходилось лезть через окно, потому что я боялась, что меня обнаружат и обвинят в аморальном поведении или воровстве.

Сегодня я последовала той же традиции и подошла к задней стене его комнаты, готовая залезть в окно.

Я двигалась очень тихо, мои шаги были лёгкими, как пёрышко, и я не смела издать ни звука, прежде чем войти в комнату.

Я тихо и грациозно подошла к окну и приготовилась взобраться на подоконник, когда голоса внутри заставили меня замереть на месте.

Я сразу же их узнала.

И когда слова достигли моих ушей...

Моя кровь застыла в жилах.

И я пожалела, что вообще пришла этой ночью.

Прийти сюда сегодня ночью... было самой большой ошибкой в моей жизни.

Глава 2. Предательство

Разговор, доносившийся из ярко освещённой комнаты, сломил меня так, что никто уже не смог бы меня исцелить.

Один из голосов принадлежал моему давнему мучителю, Майку, единственному сыну альфы, который должен был занять пост своего отца через несколько дней, когда ему исполнится восемнадцать.

Когда-то, в детстве, мы с Майком были довольно близки.

Но это было до того, как моего отца подставили и казнили.

Мой отец был сильнейшим воином в стае, и члены стаи его очень уважали.

Он был мужчиной крупного телосложения, но двигался со скоростью гепарда.

По силе с ним мог сравниться только альфа, и в каждой битве его присутствие гарантировало стае победу.

Так было до того дня, когда вражеская стая напала без предупреждения, и немало волков из нашей стаи погибло.

Но мой отец сражался как обычно и убил большинство нападавших волков, а остальные сбежали, поджав хвосты.

А на следующее утро альфа во главе со своим бетой и гаммой ворвался в наш дом и арестовал моего отца, обвинив его в предательстве и в том, что он открыл границы территории, позволив врагам напасть без единого звука.

Он кричал о своей невиновности, но огромное количество собранных улики указывало на него.

Сколько бы он ни защищался, никто ему не верил.

Люди, которые когда-то боготворили его, теперь проклинали.

Матери, потерявшие сыновей и дочерей, рыдали. Отцы молча вытирали скупые слезы.

Мужья и жены, потерявшие своих пар, падали без сил, а дети, ставшие сиротами, стояли в стороне с отсутствующими выражениями лиц, словно не понимая, что происходит.

Мой отец стоял посреди тренировочной площадки.

Земли, на которой он превратил большинство членов стаи в настоящих и грозных воинов.

Земли, на которой он своим потом и кровью сделал их стаю лучшей в регионе. Он закрыл глаза.

Из уголка его глаза скатилась слеза, и когда он снова открыл их, то больше не твердил о своей невиновности.

Он произнёс одну фразу, которая стала для него последней.

– Если моя смерть может унять скорбь всех страдающих здесь, то я приму её, но я не предатель.

В его обычно глубоком и громком голосе не было былой силы.

Мне тогда было десять лет, и я мало что понимала, но, когда я увидела отца в серебряных цепях и мать, в слезах оседающую на землю, я поняла, что это не к добру.

Я схватилась за юбку матери и заплакала вместе с ней.

Когда голова моего отца упала на землю, моя мать тоже рухнула на землю.

После этого она прожила недолго. Потеря пары полностью сломила её, и через месяц она умерла.

Я стала сиротой, которую все презирали.

Я стала терпеть унижения, и меня заставили переехать из нашего прежнего большого дома в тёмную подсобку в доме стаи.

Меня превратили в рабыню, о которую каждый мог вытереть ноги, когда у него было плохое настроение.

Майк, который был мне как брат и которого мой отец тренировал с юных лет, тоже отдался от меня.

Сначала он не издевался надо мной, как другие дети.

Но со временем он начал мучить меня больше, чем кто-либо другой.

И в этот момент я слушала разговор, который заставил меня осознать, что мои прежние страдания были раем по сравнению с тем, что Майк для меня приготовил.

– Скоро решится исход пари, которое мы заключили три года назад. Майк, готовь мою награду.

– Ты уверен, что она согласится? – спросил Майк, и в его погрубевшем голосе отчётливо слышались неуверенность и сомнение.

– Конечно, согласится. Она доверяет мне больше, чем кому-либо, и верит в мои искренние чувства к ней. Стоит мне только предложить ей заняться любовью, чтобы скрепить наши чувства, как она без колебаний согласится.

Карл хвастался, и его голос, который я обычно считала успокаивающим, теперь резал мне слух.

Я стояла под окном и не знала, о ком они говорят, но что-то внутри заставляло меня чувствовать неведомый страх.

Мне хотелось сбежать оттуда, чтобы больше ничего не слышать. Я не хотела подтверждения своим опасениям.

Но мои ноги словно налились свинцом и не двигались с места.

Поэтому я была вынуждена дослушать разговор до конца.

Разговор, который изменил мое отношение к людям в будущем. Если некоторых из них вообще можно было назвать людьми.

– Что ж, в этот раз тебе придётся встать в очередь, – произнёс Майк, на этот раз с властью альфы в голосе.

Не знаю почему, но я впервые с тринадцати лет задрожала от страха перед волком-альфой.

С тех пор как пробудился мой волк, даже при встрече с альфой мой страх и дрожь всегда были притворством, чтобы избежать попыток за проявленное неуважение.

Теперь же от естественного желания подчиниться у меня всё внутри перевернулось.

У меня не было ни малейшего желания проявлять уважение к такому человеку.

– Что значит «встать в очередь», Майк? Мне пришлось три года притворяться, что я о ней забочусь.

– Я держал её мозолистые руки, учил её тому, что она не имела права знать... Да я практически травмирован, а теперь ты говоришь, что я не могу её получить? Как это возможно?

Злобный голос Карла разорвал в клочья последнюю надежду, за которую я цеплялась.

Меня затоснило. Ноги хотели бежать, но отказывались слушаться. Руки дрожали так сильно, что мне пришлось вцепиться в подоконник, чтобы не упасть.

Как он мог?

Тот Карл, которого я знала, никогда бы так не поступил с девушкой.

По тихому, почти незаметному рычанию в голосе Карла можно было понять, что сила альфы, которую излучал Майк, на него не действовала.

Да и как она могла на него подействовать? Он ведь и сам был альфой.

В их регионе было обычным делом, когда стаи отправляли своих будущих альф на обучение в другие стаи.

Обычно они делали это по очереди, и в поколении Майка настала очередь стаи Карла отправить своего будущего альфу.

Вот почему Карл, будущий альфа из другой стаи, с пятнадцати лет воспитывался в стае Валери.

– Расслабься, дружище, я не говорил, что ты с ней не перспишь, просто сделаешь это после того, как я с ней закончу.

Майк небрежно успокоил его, но для меня, стоявшей под окном и крепко вцепившейся в подоконник, эти слова прозвучали как удар грома.

Глава 3. Приз больного пари

Если бы я до сих пор не поняла, о ком говорят эти двое, то я бы прожила последние восемнадцать лет напрасно.

– Почему? Её девственность – это, наверное, единственное ценное, что у неё есть. Если я не смогу её получить, зачем мне вообще к ней прикасаться? – прорычал Карл, будто готов был сцепиться с Майком.

Но я знала, что он не станет и не сможет. Хоть они оба и были альфами, он находился на территории Майка, а будущего альфу стаи нельзя было позорить на его земле.

– Потому что я узнал, что она моя пара. Можешь себе представить то унижение, которое я испытал, когда обнаружил, что между нами есть связь пары? – голос Майка резал до костей.

– Она бесполезная омега без волка. Зачем лунной богине соединять такого альфу, как я, с кем-то настолько бесполезным и заурядным?

Услышав это, я почувствовала, как моё сердце разлетелось на куски.

– За это унижение она заплатит, и ценой будет её девственность. Так что тебе придётся подождать, пока я с ней не наиграюсь, а потом отвергну её и разорву связь пары, прежде чем ты сможешь её заполучить.

Майк объяснил это с крайним отвращением, словно проглотил муху.

Даже стоя за окном, я отчётливо слышала отвращение в его голосе.

Я тоже не могла поверить в то, что только что услышала.

Майк был МОЕЙ парой!?

Мой мучитель оказался идеальным партнёром, которого создала для меня лунная богиня.

Но и что с того? Да я и сама не хотела эту пару, не говоря уже о Майке.

– Вот облом! И почему она оказалась именно твоей парой? – я с трудом верила, что это говорит Карл.

– Но это неважно, пока ты не выжмешь её досуха, я с радостью приду и утешу её, когда ты разорвёшь связь пары и выбросишь её.

От этих слов моё сердцебиение замедлилось. Казалось, я вот-вот перестану дышать от боли в сердце.

Но я должна была держаться.

– В тот момент она будет уязвима, и переспать с ней под предлогом утешения будет проще простого. О, Валери, я годами ждал этого дня, – Карл согласился с предложением Майка, ни капли не думая о моём достоинстве.

Для этих двоих в комнате я была не более чем игрушкой, с которой можно поиграть, когда захочется, а потом выбросить за ненадобностью.

Услышав, как Карл произнёс моё имя, я окончательно убедилась в своей догадке. Они действительно говорили обо мне.

Карлу всегда было на меня плевать, он просто выполнял условия больного спора, который заключил с Майком, оказавшимся теперь моей парой.

Меня чуть не стошнило от отвращения прямо там, за окном, но я сдержалась.

Меня нельзя было обнаружить.

В ушах звенело от только что услышанных слов, а кровь в жилах застыла.

После этого я больше не слышала ни слова.

Я чувствовала себя так, будто моё сердце вырвали из груди, швырнули на землю, топтали снова и снова, пока оно не превратилось в кашу.

Казалось, даже если я подниму его и верну обратно в грудь, оно уже никогда не станет целым.

Я не помнила, как вернулась в свою комнату.

Я пришла в себя от того, что кто-то колотил в мою дверь и выкрикивал оскорбления за то, что я опоздала с приготовлением завтрака.

– Валери, ленивая потаскуха! Какого чёрта ты до сих пор не готовишь завтрак?

– Думаешь, всем, как и тебе, нечем заняться, и мы должны ждать, пока ты выспишься?

За закрытой дверью раздался голос, за однодневное отсутствие которого я бы благодарила своих предков.

Это Инносент ломилась в мою дверь.

Девушка, чей характер совершенно не соответствовал её имени.

Она была злобной и хитрой и готова была пойти на всё, чтобы получить желаемое.

А ещё она была избранной Луной Майка. Казалось, все в стае с этим смирились, и все полагали, что они окажутся парой.

Что ж, шутка сыграла с ними, ведь теперь я знала, что пара Майка – это я.

Когда-то, когда мой отец был жив, Инносент и другие девушки из стаи постоянно ходили за мной по пятам.

Они хотели сблизиться с будущим альфой и могли сделать это только через меня, так как Майк всегда был рядом, когда тренировался с моим отцом.

Но, казалось, это было в прошлой жизни.

Все эти маленькие последовательницы исчезли после казни моего отца.

Они также превратились в маленьких мучительниц, которые получали удовольствие, делая мою жизнь невыносимой.

Желая избежать очередной порции ругани и побоев, я поднялась с пола, на котором, похоже, просидела всю ночь, и мои ноги едва не подкосились.

Голова всё ещё кружилась, но я заставила себя выпрямиться.

Я подошла к старому матрасу на полу и сунула руку под подушку, сделанную из старых рваных тряпок.

Моя рука немного пошарила, прежде чем вынырнула, сжимая старый, потрёпанный кнопочный телефон.

Я нажала кнопку сбоку, и маленький экранчик загорелся тусклым жёлтым светом.

На нём было шесть часов утра.

В это время члены стаи обычно завтракали, но сегодня я даже ещё не вышла из своей комнаты.

Меня ждал долгий день.

Я собралась с мыслями и заперла воспоминания о том, что произошло прошлой ночью, глубоко внутри.

Сначала нужно было пережить этот день.

Я смогу устроить себе вечеринку жалости позже, когда будет время отдохнуть.

А сейчас мне нужно было выйти, приготовить завтрак и, вероятно, вынести очередное наказание за опоздание.

Мой волк всё ещё молчал, так что сегодня мне придётся со всем справляться в одиночку.

В тот момент, когда я открыла дверь, тяжёлая пощёчина прилетела мне в лицо. Она была такой сильной и громкой, что моя голова дёрнулась в сторону.

Я почувствовала, как одна сторона моего лица опухает с видимой невооружённым глазом скоростью.

– Что так долго? Думаешь, у меня есть целый день, чтобы ждать тебя здесь? – сурово спросила Инносент.

Я уже привыкла к такому обращению, и хотя у меня было непреодолимое желание дать сдачи, я знала, что не могу.

Это была очередная ловушка, которую подстроила Инносент.

Стоило мне сказать хоть слово, и я бы оказалась в темнице и не вышла бы оттуда, пока вся моя кожа не была бы содрана от порки.

Когда Инносент только начала меня мучить, я спорила и защищалась, но скоро поняла, что чем больше я себя защищаю, тем хуже становится наказание.

Поэтому я научилась сносить всё молча.

Такая пощёчина теперь для меня была ничем.

Я молча стояла перед Инносент, слегка опустив голову в знак покорности.

Но это было для того, чтобы скрыть непокорство в моих глазах.

Мой волк ненавидел эту позу больше всего на свете, но, поскольку её нельзя было раскрывать, Лиззи тоже научилась подавлять себя и ни на кого не нападать.

– Чего ты всё ещё стоишь? Иди и готовь завтрак.

Приказала Инносент с властью будущей Луны, которой она себя считала.

Мне не нужно было повторять дважды: я тут же бросилась в сторону кухни.

Глава 4. Цена молчания

Из-за большой загруженности на кухне были и другие работники, которые помогали. Однако они отличались от меня. Я была рабыней, которая работала задаром и даже ела объедки с чужого стола.

Другие работники получали плату, и еда у них была приличная. Такая же, как и у всех остальных.

Обычно они сваливали на меня большую часть работы, но сегодня из-за моего опоздания им пришлось потрудиться самим.

Поэтому, как только я вошла на кухню, посудомойка со злости окатила меня тазом холодной мыльной воды, в которой только что мыла котлы.

Я промокла с головы до пят, став похожей на мокрую курицу, но у меня не было времени жаловаться.

Я отжала воду со своего залатанного платья и подошла к плите, чтобы начать жарить блины.

К счастью, жар от плиты потихоньку высушил мою одежду.

– Хватит цеплять её так открыто. Не забывай, ты тоже омега. Если об этом узнают оставшиеся сторонники её отца, тебе не поздоровится, – сказала женщина с добрым лицом девушке, окатившей меня водой.

– Чего ты боишься? Я всего лишь выполняю приказ Инносент. Она вот-вот станет Луной, и как только она займёт это место, никто не сможет мне ничего сделать, – произнесла та с самодовольным видом.

Я сделала вид, что ничего не слышу, и продолжила готовить.

Я осторожно вылила тесто на раскалённую сковороду, наблюдая, как оно шипит, словно в мире больше ничего не существовало.

Запах блинов, тёплый и уютный, постепенно наполнил кухню. Слишком уютный для такого жестокого места.

Мои руки двигались на автомате. Перевернуть. Сложить. Отставить. Повторить.

Я давно научилась отделять своё тело от разума.

Боль, унижение, голод. Всё это терпело моё тело.

Мой разум витал где-то далеко, запертый за непроницаемыми стенами безмолвия.

Но сегодня, как бы я ни старалась, обрывки вчерашнего разговора то и дело прокрадывались в мысли.

Моя пара.

...прошептала я мысленно.

Это слово казалось чужим, тяжёлым и отравленным.

Кто угодно, только не он. Почему именно он?

Интересно, такова ли была воля лунной богини?

Сводить жертв с их палачами и называть это равновесием.

– Не сожги их, – рявкнула другая работница.

Я поняла, что на секунду отвлеклась, и блин на сковороде уже получился неидеальным.

Я кивнула, не поднимая головы, и снова сосредоточилась на блинах.

Я выложила готовые блины на большие деревянные подносы, аккуратно их раскладывая.

Затем я взяла большую миску с сосисками и беконом, приготовленную рядом, и тоже принялась их жарить.

Я научилась готовить так хорошо, что, если это делал кто-то другой, Альфа и остальные вожаки начинали жаловаться.

Поэтому, хоть на кухне и было много работников, готовила только я.

Когда всё было готово, я разложила еду по большим деревянным подносам и понесла их к раздаточному столу.

Руки слегка дрожали от усталости, но я взяла себя в руки и пошла вперёд.

Урони я еду, и одной пощёчиной дело бы не обошлось.

Как только я поставила последний поднос, на кухне воцарилась внезапная тишина.

Воздух тоже изменился, стал тяжёлым.

Я почувствовала это раньше, чем услышала. Давление, прокатившееся по комнате – плотное, удушающее, давящее на позвоночник.

Присутствие Альфы.

Для меня это было ничем, поскольку давление исчезло так же быстро, как и появилось.

На меня никогда не действовала такая мелочь, как присутствие Альфы. За исключением прошлой ночи.

Мои пальцы инстинктивно сжались в кулаки, впиваясь ногтями в ладони.

Я не подняла глаз. Мне было не нужно, да я и не смела.

Тяжёлые шаги эхом отразились от каменного пола – кто-то вошёл на кухню. Работники тут же выпрямились, опустив головы и напрягшись всем телом.

– Инносент.

Спокойный, властный и холодный голос Майка прорезал тишину, заявляя о его присутствии.

– Да, Альфа Майк, – быстро шагнула вперёд Инносент со стороны столовой. Её голос звучал сладко и покорно. Полная противоположность её истинной натуре.

– Завтрак почти готов, – добавила она так, будто это она его приготовила.

Моё сердце мучительно заколотилось в рёбрах.

Я сосредоточилась на дыхании. Вдох. Выдох.

После всех неприятных ощущений прошлой ночи я теперь его чувствовала.

Его присутствие пробежало мурашками по моей коже, неприятно оседая глубоко в груди.

Это было неправильно. Навязчиво. Словно чья-то рука там, где ей не место.

Я ненавидела это.

Я ненавидела тот факт, что этот мужчина – мой предначертанный партнёр.

Мне становилось грязно от одной мысли об этом, но я не могла помешать своему телу реагировать на его присутствие.

Мне повезло, что мой волк ещё не пробудился, и сейчас во мне было больше человеческого, чем волчьего.

Взгляд Майка лениво, без особого интереса, скользнул по кухне и остановился.

Я почувствовала, что он смотрит на меня.

Медленный, оценивающий и собственнический.

Я чувствовала себя товаром на рынке, выставленным на обозрение для желающих купить.

Но я не поднимала головы, слегка ссутулившись – идеальное воплощение покорности.

Эту позу я презирала, но в совершенстве овладела ею, чтобы выжить.

– Она как будто похудела, – небрежно бросил Майк.

Это замечание доказывало, что единственной заботой Майка всегда было мучить меня.

Он никогда меня не замечал.

Иначе он не сказал бы, что я похудела, ведь я уже много лет была одного и того же размера.

Из-за недоедания я была намного меньше других девушек моего возраста.

Я была похожа на пятнадцатилетнюю, хотя через несколько дней мне должно было исполниться восемнадцать.

В то время как у других волчиц были соблазнительные изгибы и пышная грудь, я была почти плоской.

И всё же, похоже, только сейчас Майк заметил мою худобу.

Какая ирония – иметь такую пару.

Услышав замечание Майка, Инносент напряглась. В конце концов, именно она была одной из тех, кто громче всех выступал против того, чтобы меня кормили, хотя я и вкалывала как лошадь.

Глава 5. Воображаемые враги

«Она всегда такой была. Ленивая к тому же», – процедила Инносент сквозь зубы своим приторно-сладким голоском, контрастировавшим с её пышным телом.

Майк неопределённо хмыкнул. «Вот как?»

Тогда я почувствовала, как мой волк едва шевельнулся.

Не было ни злости, ни слов, лишь слабая рябь, которую не уловил даже волк Майка.

На полсекунды у меня перехватило дыхание, прежде чем я заставила себя снова дышать ровно.

«Валери».

На этот раз моё имя в его устах прозвучало иначе. Словно он заявлял на меня права.

Отвращение всё ещё чувствовалось, но было не таким сильным, как раньше.

Я машинально шагнула вперёд и опустила голову ещё ниже.

Любой другой волк преклонил бы колени перед властью, исходившей от Майка, но не я.

Я отказывалась преклонять колени перед своим мучителем, альфа он или нет.

«Да, Альфа».

Это слово жгло сильнее огня, на котором я жарила блины.

Майк слегка присел, так близко, что я почувствовала его запах: сосна, железо и что-то резкое под этим.

Его присутствие давило сильнее, требуя покорности.

Тело отреагировало, опустив голову ещё ниже, но душа сопротивлялась.

«Посмотри на меня», – приказал Майк.

Мои челюсти стиснулись, и я медленно подняла голову.

Наши взгляды встретились. Не было никаких фейерверков, которые, по словам других пар, они чувствовали при встрече со своей парой.

Была лишь тишина, по крайней мере, с моей стороны.

На краткий миг во взгляде Майка что-то мелькнуло: возможно, удивление или раздражение.

Словно он не ожидал, что мой взгляд будет таким ясным. Таким пустым. Абсолютно лишённым всякого желания.

Он резко выпрямился.

Отсутствие у меня какой-либо эмоциональной реакции, связанной со связью пары, выбило Майка из колеи.

«Проследи, чтобы она закончила работу, – сказал он, уже отворачиваясь. – Она всё ещё полезна».

Полезна.

Это слово эхом отдавалось у меня в голове ещё долго после того, как Майк ушёл.

Давление исчезло. Комната словно снова задышала.

Я оставалась в поклоне на секунду дольше, чем было нужно.

Затем я выпрямилась и молча вернулась к плите.

Инносент впиалась в меня взглядом, вонзив ногти в ладони, но ничего не сказала. Я чувствовала этот взгляд, словно острый нож, занесённый над моей шеей.

Нож, который мог упасть в любой момент.

Инносент не знала, почему Майк вдруг заинтересовался мной, но не могла сделать ничего, что могло бы его расстроить.

Поэтому пока она оставила меня в покое. Затем развернулась и вышла из кухни.

Мне было всё равно.

Потому что впервые со вчерашнего вечера что-то внутри меня больше не молчало.

«Я здесь». Это был слабый шёпот, коснувшийся моего сознания.

Голос, знакомый мне с тринадцати лет, но я чувствовала, что на этот раз он звучал иначе.

Мои пальцы слегка дрожали, но я ничего не сказала.

Я знала, Лиззи поймёт. Ведь это она велела мне держать её присутствие в тайне.

Но глубоко в моём сознании, под слоями страха и покорности, что-то древнее и терпеливое открыло глаза.

Остаток утра прошёл как в тумане, которого я даже не заметила.

Единственным, что напомнило мне о течении времени, стали приступы голода, скрутившие желудок. Они заставили меня вспомнить, что пора собрать тарелки после завтрака и посмотреть, не осталось ли объедков, которыми я могла бы набить живот.

Я подняла голову от своих занятий – большую часть утра я драила котлы, протирала столы и переставляла подносы с места на место.

И мой взгляд упёрся прямо в глаза, которые иначе как ядовитыми и не назовёшь.

«Когда она успела вернуться?» – подумала я, осознав, что Инносент стоит в дверях и наблюдает за мной, словно гадюка.

Я тут же опустила глаза, а моё тело, приученное годами страданий и борьбы за выживание, продолжило двигаться.

Мои руки продолжали протирать столешницу, на которую перед готовкой выкладывали ингредиенты, словно я и не собиралась останавливаться.

Я давно усвоила, что пауза в работе будет воспринята как неповиновение.

Особенно когда за мной наблюдала Инносент, которая, казалось, видела во мне воображаемого врага.

И сегодня Майк всё только усугубил.

Все в стае знали, что Инносент любит Майка, а точнее, его статус наследника позиции альфы.

Любая девушка, замеченная в разговоре с Майком, а иногда даже просто поздоровавшаяся с ним, сталкивалась с её неприкрытой яростью.

Однажды одна девушка увидела, как Майк тренируется без рубашки, весь в поту, и подумала, что ему, должно быть, неудобно.

Поэтому она взяла полотенце и принесла его Майку, чтобы он вытер пот. Она не имела в виду ничего дурного, и у неё не было никаких неприличных мыслей на его счёт.

Однако этот простой жест доброты разрушил жизнь той девушки.

Инносент увидела, как девушка с невинной улыбкой на лице подаёт Майку полотенце, и решила, что та соблазняет её предполагаемую пару.

Ага, Инносент ходила и всем рассказывала, что Майк непременно станет её предначертанным партнёром, что они поженятся и что она – будущая Луна их стаи.

Судьба посмеялась над ними, а может, и надо мной – его настоящей парой.

Так или иначе, Инносент наняла головорезов проследить за девушкой, и всё, что стало известно, – это то, что её нашли в лесу, полностью истерзанную.

Её истязали так сильно, что она сошла с ума. Во время нападения её волк обезумел и разорвал головорезов в клочья.

Тем не менее, когда девушку нашли, Инносент первой обвинила её в хладнокровном убийстве.

Девушка была уже не в себе и не понимала, что происходит, и её казнили по приказу альфы за массовое убийство.

И всё же по стае поползли слухи, что девушка была невиновна, и её подставили лишь за то, что она предложила будущему альфе полотенце вытереть пот.

С тех пор другие девушки держались от Майка подальше.

И всё же в тот день Майк решил привлечь ко мне внимание, позволив Инносент это заметить.

Я не знала, как Инносент собирается мучить меня на этот раз.

Единственное, в чём я была уверена, – это то, что она не позволит мне умереть, ведь Майк сказал, что я всё ещё полезна.

При мысли об этом слове присутствие Майка, которое я всё утро так старательно пыталась игнорировать и забыть, невольно всплыло в сознании, задержавшись, словно пятно, которое никак не отмыть.

Глава 6. Психологическая пытка

Его слова снова и снова прокручивались у меня в голове.

Она всё ещё полезна.

Полезна. Как инструмент.

Я продолжала снова и снова протирать одно и то же место, пока руки не задрожали от усталости.

– Если обед опоздает хоть на минуту, тебе придётся отвечать перед альфой, – резко раздался на кухне голос Инносент.

Но под всей этой резкостью слышалось слабое самодовольство, словно она выиграла битву.

Я подняла голову как раз в тот момент, когда Инносент развернулась, чтобы уйти, и не смогла скрыть зарождающуюся на её губах улыбку.

Я стояла там в промокшей одежде, которая высохла и затвердела на коже, вызывая зуд, который я не смела почесать из-за страха, что меня обвинят в распространении кожных заболеваний.

Лишь через целую минуту я поняла, что Инносент осталась на кухне, чтобы наказать меня.

Она знала, что, пока она здесь, я не перестану работать и не буду отдыхать. А ещё у меня не будет времени поесть.

Таким образом, я была вынуждена продолжать работать на голодный желудок, что удваивало мои страдания.

Теперь, когда пришло время готовить обед, я не смогу съесть даже остатки, потому что боялась подать его с опозданием.

Во время обеда альфа будет сидеть за столом, и опоздание с подачей даже на минуту обеспечит мне визит в темницу.

Я не могла поверить, насколько извращённой была Инносент.

Из-за предупреждения Майка она не могла прибегнуть к физическому наказанию, потому что его бы заметили, а вот психологическое не имело значения.

Я сделала глубокий, прерывистый вдох и пошла доставать из холодильника ингредиенты для обеда.

К этому времени я действовала исключительно на инстинктах и отработанных движениях.

Мне не нужно было думать, когда я выполняла работу по дому. Слава Богу за это, иначе число тарелок, которые я бы разбила тем утром, или количество раз, когда я бы обожглась о плиту, было бы не счесть.

Я не в первый раз работала на голодный желудок.

Так что для меня это не имело значения.

Я как раз резала лук, когда до моих ушей донёсся голос, который я бы предпочла никогда в жизни не слышать.

– Вэл, – он просто назвал моё краткое имя. И после смерти родителей только один человек называл меня так.

Раньше я думала, что это единственное, что давало мне чувство безопасности, но теперь этот голос заставил меня съёжиться от отвращения.

От него у меня задрожали руки, и я чуть не порезалась.

Но в следующую секунду я взяла себя в руки и придала лицу отстранённое выражение.

Я не повернула головы и не улыбнулась своей обычной улыбкой, когда этот человек подошёл ко мне.

Я просто сделала вид, что слишком занята.

– Привет, Карл, – ровно ответила я.

Карл почувствовал, что в моём поведении что-то не так, но, увидев количество ингредиентов на столешнице, решил, что я спешу приготовить обед.

– Я принёс тебе шоколад. Съешь быстро, пока никто не видит, – сказал Карл, поднося только что развёрнутую шоколадку к моему рту.

Раньше я обожала такие жесты со стороны Карла. Они давали мне почувствовать, что даже в море людей, где каждый желал мне страданий, хоть кому-то я была небезразлична.

Хоть кто-то хотел, чтобы я была счастлива.

Поэтому я дорожила этими маленькими жестами. Я до сих пор хранила все обёртки от шоколадок и сладостей, которые Карл когда-либо мне покупал.

Однако после прошлой ночи я не хотела иметь ничего общего с человеком, стоявшим у меня за спиной.

Запах шоколада у моего рта вызвал рвотный позыв, и меня чуть не стошнило.

Но в то же время приступы голода и то, как скрутило мой желудок от запаха шоколада, заставили меня проглотить свою гордость.

Я ничего не сказала и просто откусила шоколад.

Он был таким же сладким, как и всегда, но почему-то мне казалось, будто в шоколад добавили что-то ещё.

Что-то, что вызывало у меня отвращение. И всё же я заставила себя проглотить.

Мне нужна была энергия, чтобы продержаться до конца дня, иначе я бы рухнула посреди работы и в итоге была бы за это наказана.

У Карла поначалу возникли сомнения, когда он увидел мою реакцию, но они исчезли, как только я откусила шоколад.

Поэтому он снова стал беззаботным и мягко заговорил со мной.

– Хочешь сегодня вечером пойти посмотреть на звёзды? – мягко спросил он, поднося шоколадку ближе к моему рту для следующего укуса.

Снова почувствовав это отвращение, я отключила обоняние и вкус так же, как научилась отключать всё остальное.

Так я могла съесть шоколад, чтобы восстановить энергию, не чувствуя ни его вкуса, ни запаха.

– Не думаю. Я и так очень устала и в последнее время неважно себя чувствую, – вежливо отклонила я приглашение Карла.

Я впервые ему отказала.

Я всегда соглашалась на всё, о чём он просил, потому что считала его своим единственным другом. Но он, очевидно, относился ко мне как к призу, который можно выиграть в споре.

Я была не настолько дешёвкой, чтобы продолжать его развлекать.

– О! А я так этого ждал. Сегодня будет полнолуние, и оно будет прекрасным.

Это день, который лунная богиня создала для нас, волков, чтобы мы были беззаботными и молились о своих желаниях. Кто знает, может, наши желания исполнятся, – слушая его поэтические речи, я очень хотела треснуть его по голове сковородкой, но не осмелилась.

Он был альфой, и даже будучи гостевым альфой, в стае его уважали как настоящего альфу.

К тому же, хоть он и использовал моё доверие против меня, он всё ещё был мне нужен.

Пусть он и подонок, но его присутствие рядом со мной иногда смягчало наказания, а иногда и вовсе помогало их избежать.

Хотя я всё ещё пыталась осознать его предательство, я не была настолько глупа, чтобы полностью вычеркнуть его из своей жизни.

Глава 7. Хитрый Альфа

– Не знаю, что случилось. У меня всё тело ломит.

– Хотела пойти попросить обезболивающее, но времени пока не было, – я намеренно преувеличила, рассказывая о своём самочувствии, чтобы Карл перестал настаивать на том, чтобы мы вместе пошли посмотреть на луну.

Какая ещё богиня, исполняющая желания? Он просто ищет способ лишить меня невинности.

Было бы безумием и дальше потакать его просьбам.

– Всё так плохо? Тогда я принесу тебе обезболивающее. Почему бы тебе не пойти и не отдохнуть немного, раз тебе так нездоровится? – спросил Карл с видом очень заботливого друга.

Мне больше не хотелось с ним связываться, поэтому я просто небрежно бросила: «Альфа Майк приказал мне закончить всю работу, а я ещё не закончила. Так что отдыхать мне нельзя».

В моих словах не было никакого скрытого смысла. Я просто хотела, чтобы Карл от меня отстал, но чего я не знала, так это того, что моя простая фраза открыла ящик Пандоры.

– А! Тогда я принесу тебе обезболивающее, – сказал Карл, сунул мне в руку ещё одну шоколадку и ушёл.

Пока Карл был здесь, на кухне стояла такая тишина, что я почти забыла, что здесь работают и другие люди.

И лишь когда спина Карла окончательно скрылась из виду, с другого конца кухни раздался голос.

– Надо же быть такой бесстыжей. Жалуется на боль и ломоту, будто хочет, чтобы молодой альфа всё бросил и сделал ей массаж. Почему бы тебе сразу не потребовать, чтобы он на тебе женился? – саркастически протянул кто-то.

Такое случалось всякий раз, когда кто-нибудь видел меня с Карлом. Они начинали отпускать унижительные замечания, от которых я чувствовала себя виноватой, словно я осквернила Карла одним лишь своим присутствием.

Но сейчас я ничего не чувствовала.

Ни вины, ни той радости, которую я втайне испытывала, когда другие мне завидовали.

Теперь я лишь думала о том, что могу по крайней мере использовать его, чтобы избежать некоторых наказаний.

Меня больше не волновало, что другие говорят о наших отношениях.

Обед был подан вовремя. Спасибо шоколадке, которую дал мне Карл, она придала мне сил, и его присутствию на кухне, которое заставило остальных работников выполнять свои прямые обязанности, а не сваливать всё на меня в ожидании, что я сотворю чудо и всё приготовлю в срок.

Во время подачи ужина Карл передал мне обезболивающие, которые он где-то раздобыл, и я не стала церемониться.

Я взяла их и тут же сунула в карман.

Я собиралась принять их, как только окажусь в уединении своей старой комнаты.

По какой-то странной причине Майк окликнул меня, как только я дошла до двери.

Он пододвинул ко мне тарелку с пастой и мясным соусом и приказал забрать её и съесть.

Я долго и пристально смотрела на него, прежде чем взять тарелку и уйти.

Все за столом были в шоке от поступка Майка.

Инносент чуть не сломала вилку, которой ела пасту.

Это был второй раз за день, когда Майк проявил ко мне интерес.

И второй раз ей хотелось придушить меня, но приходилось сдерживаться.

Ей хотелось спросить Майку, почему он проявляет такой интерес к рабыне. Но она не осмеливалась.

Не в том случае, если она хотела быть рядом с ним в качестве его Луны.

Майк не любил, когда ставили под сомнение его авторитет. Так что пока ей придётся страдать молча. До тех пор, пока её не утвердят в роли Луны.

Но пока что она собиралась сделать жизнь Валери настолько невыносимой, насколько это вообще возможно.

Я отнесла тарелку с пастой обратно на кухню, нашла уголок, села и начала есть.

Я слишком долго страдала от голода, чтобы не знать: когда появляется еда и возможность поесть, нужно хвататься за неё.

Если я помедлю хоть секунду, может появиться кто-то другой и забрать еду просто для того, чтобы скормить её собаке.

Поэтому, не отвлекаясь ни на что другое, я дочиста съела пасту, встала, вымыла тарелку и поставила её на полку.

Другие работники кухни отличались от меня.

Хотя они и работали на кухне, им платили, и они могли есть то, что оставалось в котле после раздачи. Или же они могли пойти поесть домой.

Однако в тот день они были удивлены, наблюдая, как я ем такую большую тарелку пасты.

Более того, это были не остатки, а свежеприготовленная порция.

Такое случилось впервые за восемь лет.

– Ты что, украла эту тарелку с пастой? – осуждающе спросила та самая злая женщина, что утром облила меня водой.

Я посмотрела на женщину, преградившую мне путь, и мысленно вздохнула.

Женщина была полновата для волка, но кто бы мог её винить – она съедала почти всё, что оставалось после каждого приёма пищи.

Большую часть времени именно из-за неё мне приходилось есть объедки с чужих тарелок, а не то, что оставалось в котле.

Стая, может, и прогнила, но в ней всё ещё оставались порядочные люди, и некоторые из кухонных работников оставляли мне немного еды, стараясь не привлекать к этому внимания.

К несчастью, эта женщина всегда пользовалась тем, что её дочь дружила с Инносент, и съедала всё.

Неудивительно, что она была похожа на бегемота.

– Я принесла эту тарелку из-за обеденного стола. Думаешь, я смогла бы украсть тарелку пасты на глазах у трёх альф и кучи обратившихся волков? – Впервые за много лет я огрызнулась.

Пусть это был всего лишь кухонный персонал, я выпрямила спину и подала голос.

Это шокировало всех на кухне, а также Майку, который как раз в этот момент входил.

На кухне надолго воцарилась тишина, прежде чем снова послышались звуки.

Глава 8. Удар в самое сердце

– Валери, хоть это я и дал тебе тарелку с пастой, так разговаривать со старшим – неуважительно и недопустимо. Как закончишь со своими обязанностями, отправляйся в темницу и получи десять ударов плетью, – произнёс Майк с безапелляционностью палача.

– Да, альфа, – машинально ответила я.

Я привыкла к наказаниям, которые зависели от настроения членов стаи.

Им нужен был лишь малейший повод, чтобы сорвать на мне злость.

Я никогда не спорила. И этот раз не стал исключением.

Десять ударов плетью для меня – пустяк. Впервые меня высекли, когда мне было двенадцать. Я просто разбила тарелку, моя посуда в раковине, до которой из-за роста не могла толком дотянуться.

Однако проходивший мимо кухни альфа услышал звон разбитой тарелки и вошёл внутрь.

Он холодно на меня посмотрел и сказал, что каждый должен платить за свои ошибки.

И мне тоже пришлось. Меня оттащили в темницу и секли столько раз, что я потеряла сознание от боли.

Когда я очнулась, то оказалась в каморке, где не было даже матраса.

Меня бросили на холодном полу, всю в кровотокающих ранах, которые болели так, что хотелось биться головой о стену.

И всё же я вытерпела всю эту боль. Встала и пошла в общую ванную, чтобы принять душ.

Медсестра из госпиталя стаи увидела мои раны, когда я принимала душ, и посоветовала не мочить их.

Она также дала мне мазь, которая была у неё с собой, и попросила никому об этом не говорить.

Это был первый раз со смерти моих родителей, когда я столкнулась с добротой.

Тогда же я поняла, что должна быть осторожна со всем, что делаю на территории стаи. Я научилась терпеть и быть как можно незаметнее, чтобы меньше страдать.

За прошедшие годы я много раз возвращалась в темницу для различных наказаний, и она неизменно заставляла меня содрогаться.

Но сегодня всё было иначе.

Войдя в темницу, я приветствовала боль. Для меня физическая боль от ударов плетью в тот день, казалось, что-то символизировала.

Я не издала ни звука, пока мне не нанесли все десять ударов, а затем потащила своё ноющее тело обратно в сырую и тёмную комнату.

Проходя по коридору дома стаи, я увидела Майка – он стоял там, словно ожидая меня, но я притворилась, что не замечаю его, и прошла мимо, будто он был невидимкой.

ПОВ Майка

Я смотрел на худую спину девушки, которая, как я теперь знал, была моей парой, и чувствовал, как меня захлёстывает смесь эмоций.

Там были потребность, вожеление и отвращение.

Они смешались до такой степени, что я не мог разобрать, где какое.

В последнее время моё сердце начинало биться чаще всякий раз, когда я её видел. Оно стучало в неконтролируемом ритме, и это меня раздражало и пугало.

Я ненавидел терять контроль. Ненавидел, особенно когда присутствие Валери влияло на мои эмоции.

Неделю назад я узнал, что она – моя пара. Это случилось в тот самый день, когда мне исполнилось восемнадцать лет. Мой официальный день рождения, который наступил несколькими днями позже, был просто формальным событием.

Но мало кто знал об этом.

Когда я проходил мимо прачечной, где она стирала одежду для членов стаи, меня окутал самый чудесный аромат, который я когда-либо вдыхал в своей жизни.

Он был слаще знаменитых ванили и мёда. Манящий, он заставил меня впервые войти в прачечную.

Валери стояла на коленях, оттирая одежду, испачканную машинным маслом.

Я сразу понял, что она принадлежит сыну гаммы, Эндрю.

Он был автолюбителем и ради забавы любил разбирать и собирать детали машин.

При этом он пачкался в масле и никогда не разрешал стирать свою одежду в машинке, говоря, что это её испортит.

Поэтому, сколько я себя помню, он всегда заставлял Валери стирать её вручную.

Я помню одну зиму, когда он вернулся домой, весь в масле и крови, после столкновения с бродягами по дороге домой.

Было так холодно, что снега навалило почти на метр, поэтому ему и пришлось идти домой пешком. И всё же он заставил Валери стирать ту одежду и проследил, чтобы всё масло и кровь были отстираны.

Конечно, в тот раз я стоял в стороне и даже принёс свою грязную одежду, чтобы рабыня стаи её постирала.

В тот холодный, морозный день она оттирала одежду, пока та не заблестела, как новая, но к тому времени её руки были обморожены и кровоточили.

Она умоляла, чтобы ей позволили отдохнуть и залечить раны, но мой отец настоял, чтобы она закончила и другие свои обязанности.

В тот раз я ничего не почувствовал. Ну, кроме отвращения. Как смеет дочь предателя, по вине которого погибло столько народу, молить о пощаде?

На самом деле, её мольбы так меня разозлили, что я избил её. Тогда я сломал ей пару рёбер.

Наблюдая, как Валери стирает в прачечной замасленную одежду, я очнулся от своих воспоминаний.

Её аромат почти лишал меня рассудка. Мне захотелось притянуть её в свои объятия и поцеловать, но я не мог.

Сам её вид – тощая, как палка, без намёка на формы или красоту – вызывал у меня отвращение. Я начал сомневаться в способностях лунной богини.

Как она могла свести меня с такой слабачкой? Как она могла подумать, что рабыня заслуживает быть моей парой?

В тот момент я решил, что никогда никому не расскажу о связи пары. Я мог притвориться, что её не существует.

Глава 9. Смертельная связь

Пока она оставалась в стае, её присутствие могло давать мне силу. Если бы мне удалось спариться с ней, я мог бы даже поглотить её сущность и стать сильнее.

Я стану самым могущественным молодым альфой в регионе.

Я развернулся и вышел из прачечной, не привлекая её внимания. Но с того дня я не мог не замечать её. Когда она подавала еду, когда бегала по поручениям для всех, кроме себя, когда кого-то раздражало её присутствие, и её избивали без всякой причины.

Я стоял в стороне и наблюдал за всем этим. Временами, когда я чувствовал, что связь пары становится слишком сильной, я злился и давал ей несколько пощёчин или, когда не хотел марать руки, отправлял её в темницу.

Однако сегодня всё было иначе. Намерение Карла переспать с ней пробудило во мне нечто, что я не мог объяснить.

Хоть я и ненавидел Валери каждой фиброй своей души, хоть и больше всего на свете желал видеть её страдания, и даже хотел, чтобы связь пары исчезла, я не мог вынести, когда другой мужчина желал её.

Я знал, что она была близка с Карлом, и если бы она когда-нибудь решила быть с кем-то, то выбрала бы его. Особенно потому, что она ещё не пробудила своего волка и, казалось, не замечала связи пары между нами.

Казалось, она вообще ничего ко мне не чувствовала, и это раздражало меня больше, чем я хотел бы признать.

Я злился, когда тем утром на кухне заглянул в её глаза, и всё, что я видел в них, – это пустота.

У неё не было ни малейшей реакции на мою близость, в то время как я, с другой стороны, умирал от желания коснуться её кожи, вдохнуть её запах вблизи и погрузиться в неё.

Меня так злило, когда я вспоминал разговор, который у нас с Карлом состоялся прошлой ночью.

Хотя я и утверждал, что заберу её девственность, а затем отвергну, я всё равно не мог заставить себя позволить другому мужчине прикоснуться к ней.

Я хотел, чтобы она принадлежала только мне, несмотря на мою ненависть и отвращение.

Однако я не хотел прикасаться к этим торчащим костям, поэтому я решил время от времени подкармливать её и добавить изгибов её телу, чтобы её было приятно обнимать. Вот почему я дал ей ту тарелку пасты.

От того, как она посмотрела на меня, когда я предложил ей пасту, моё сердце чуть ли не кричало от радости. Потому что она впервые за многие годы посмотрела мне в глаза.

Её глаза – самые красивые из всех, что я когда-либо видел, такие ясные, с зелёными зрачками, отражающими свет. Их сияние проникало прямо в моё сердце. Но я также ненавидел это чувство, потому что хотел испытывать подобное к Инносент. Она сильная волчица. Самая идеальная Луна для меня. И всё же к ней я чувствовал лишь похоть.

Я хотел безумного секса с ней, но не чувствовал, как моё сердце трепещет так же, как от Валери. Это беспокоило меня.

Я хотел, чтобы Валери чувствовала то же самое. Чтобы она хотела меня, нуждалась во мне, умоляла меня.

Я давно заметил, что она была словно обычный человек, который даже не чувствовал моего присутствия альфы.

Из-за этого я чувствовал, будто мой авторитет был оспорен, и сколько бы раз я ни бросал её в темницу на пытки и порку, ничего, казалось, не менялось.

Сегодня я назначил то наказание намеренно. Когда я услышал, как Валери огрызнулась на ту женщину на кухне, я хотел вызвать у неё хоть какую-то реакцию.

Я думал, что Валери будет молить о прощении.

Я думал, это что-то в ней всколыхнёт и заставит её посмотреть на меня с другим выражением в глазах.

Но я не получил ничего.

Она просто приняла наказание, как и всегда, а затем прошла мимо меня, словно меня не существовало.

Словно что-то вонзилось мне в сердце. Почему она не смотрит на меня? Она действительно не чувствовала связь пары или что-то скрывала?

Я не мог найти ответы на эти вопросы, поэтому я раздражённо развернулся и ушёл.

Однажды я заставлю Валери молить о моём внимании.

По пути в свою комнату я попросил служанку позвать Инносент ко мне.

Мне нужен был хороший трах, чтобы выкинуть Валери из головы. Мне нужна была Инносент, чтобы помочь мне почувствовать себя значимым.

ПОВ Валери

Проскользнув по знакомым тропинкам и коридорам, по которым я ходила бесчисленное множество раз, я добралась до своей комнаты и толкнула дверь.

Я скользнула внутрь и закрыла за собой дверь. Мне очень нужно было побыть одной.

Внутри было тесно. Спёртый воздух, ударивший в ноздри, как только я вошла, приветствовал меня, словно старый друг.

Я прислонилась к закрытой двери, и моё самообладание наконец треснуло.

Моё дыхание стало коротким и прерывистым.

Я почувствовала, как грудь мучительно сжалась, будто невидимые руки стискивали моё сердце.

Это было то, чего я никогда раньше не испытывала.

Образы, которые я насильно заперла в глубине сознания, вырвались на свободу и заполнили мой разум. То, как Майк смотрел на меня тем утром, голос Карла прошлой ночью и та будничная жестокость, с которой они обсуждали моё тело как плату за их пари.

В конце концов мои колени подкосились, и я сползла по стене, пока не оказалась на холодном полу.

И всё же я отказывалась плакать. Я не стану плакать из-за двух людей, которые не заслуживали моих слёз.

Я прижала руку к груди, мои пальцы впились в тонкую ткань платья.

Словно так боль могла утихнуть.

Но вместо этого боль, казалось, внезапно многократно усилилась.

Я почувствовала в сердце боль, какой не пожелала бы и злейшему врагу.

Глава 10. Переназначение

Это была боль, которая не утихала, даже если я билась головой о стену, чтобы отвлечься. Напротив, со временем становилось только хуже.

В итоге я больше не выдержала и потеряла сознание.

Я не знала, сколько прошло времени, прежде чем я снова очнулась.

Боль прошла. Остались лишь тупая боль и зуд на спине, там, где меня били кнутом.

«Что случилось?» – прошептала я в пустоту.

«Связь», – раздался слабый голос в моём сознании.

«Лиззи?» – осторожно спросила я мысленно.

Я не решалась говорить громко, боясь, что меня обнаружат.

«Это я, Вэл. Прости, что не могу быть рядом всё время», – извинилась Лиззи, но я слышала усталость в её голосе.

«С тобой что-то случилось?» – обеспокоенно спросила я.

«Ничего, из-за чего тебе стоит волноваться. Но тебе нужно держаться подальше от Майка. Он твоя пара, и эта связь причиняет тебе боль», – предупредила Лиззи.

«Что ты имеешь в виду?» – я не понимала. Как связь пары может причинять мне боль?

«Чем ближе ты к нему, тем больше связь укрепляется. Она становится сильнее. А это значит, что если он предаст эту связь, ты почувствуешь боль гораздо острее», – объяснила Лиззи.

«То есть, другими словами, боль, которую я испытала, была из-за того, что Майк был с другой женщиной?» – прямо спросила я.

«Да. Пока он будет прикасаться к другой женщине, ты будешь чувствовать боль от предательства связи. И чем сильнее будет становиться связь, тем будет хуже», – продолжала объяснять Лиззи.

«Тогда что мне делать? Пока что я всё ещё должна притворяться, что у меня нет волка. А значит, я не должна так отчётливо чувствовать связь пары.

Я не могу отвергнуть его, потому что должна делать вид, будто не знаю, что он моя пара. Что мне делать?» – я была в полном замешательстве.

Неужели я буду испытывать такую боль каждый раз, когда Майк решит развлечься с другими женщинами?

«Пока что ты можешь только терпеть. Но я должна тебя предупредить. Никогда не позволяй ему сделать тебя своей. Если у вас будет сексуальная близость, то связь пары будет завершена, и боль станет в десять, а то и в сто раз сильнее той, что ты почувствовала сегодня. Так что, что бы он ни делал и ни говорил, никогда не позволяй ему сделать тебя своей», – на этот раз голос Лиззи был очень серьёзным.

Я чувствовала, что дело было не просто в метке или признании меня своей, но я доверяла своим спутникам, поэтому сразу же согласилась.

«Я не позволю ему прикоснуться ко мне. Он всё равно не хочет меня в качестве своей пары. Даже если он захочет со мной переспать, то лишь для того, чтобы покорить меня, а я ни для кого не трофей», – заверила я Лиззи.

«Рада это слышать. Мне нужно снова уснуть. Будь осторожна всё это время», – сказала Лиззи и замолчала прежде, чем Валери успела ответить.

«Снова совсем одна», – пробормотала я себе под нос, поднимаясь с пола.

Я подошла к своему грязному матрасу и легла, даже не нанеся лекарства.

Поскольку Лиззи ненадолго проснулась, её сила уже исцелила раны.

Теперь, даже если бы кто-то проверил, они бы нашли только отпадающие корочки.

На следующее утро я проснулась в четыре часа, чтобы приготовить завтрак для членов стаи, которые ели за общим столом.

Сегодня я не опоздала. Но что-то глубоко внутри меня беспокоило.

Это был разговор с Лиззи. Я всё ещё не понимала, почему Лиззи специально проснулась, чтобы подчеркнуть, как важно не завершать связь пары с Майком.

Не то чтобы я сама этого хотела, но я чувствовала, что Лиззи о чём-то умалчивает.

Я как раз заканчивала жарить бекон, когда почувствовала, как все волосы у меня на затылке встали дыбом.

Кто-то вошёл на кухню, пока я, отключившись от внешнего мира, работала на автопилоте.

Даже не оборачиваясь, по притяжению, исходящему из самой глубины моей души, я поняла, что это Майк.

Моё дыхание участилось, а сердцебиение ускорилося.

Майк ещё даже не подошёл близко, но его присутствие настолько усилилось, что вызвало у меня панику.

Как так вышло, что всего за одну ночь связь, казалось, стала сильнее?

Я сосредоточилась на замедлении дыхания. Я не могла позволить Майку заметить хоть какие-то изменения.

Я вспомнила своего отца и то, как он, когда я была младше, становился рядом со мной на колени и учил меня справляться со стрессом и непредвиденными ситуациями.

Он был первоклассным воином, и ему нужно было сохранять остроту ума, потому что в бою малейшее отвлечение могло стоить жизни.

Я вспомнила, как отец учил меня сохранять спокойствие, даже когда вокруг шумно, просто регулируя ритм дыхания, и я последовала его совету.

Словно по волшебству, присутствие Майка, казалось, растворилось, и я снова осталась одна.

Я снова была спокойна. И даже когда Майк подошёл ближе, он не вызвал у меня никакой реакции.

Я вела себя так, будто он был просто очередным членом стаи, пришедшим меня помучить.

Поскольку присутствие альфы не давило на меня, я могла делать вид, что здесь никого нет.

ПОВ Майка

Я долго стоял за спиной Валери, но не видел никакой реакции.

Хотя я всегда считал её недостойной своего внимания, по какой-то причине сегодня желание обнять её было сильнее, чем прежде.

Мне хотелось раздеть её и провести руками по всему её телу.

Однако, глядя на её почти плоскую спину и такую же плоскую грудь, желание, поднимавшееся из глубины моего существа, снова сменилось отвращением, и мой взгляд, я и сам не заметил как, стал жестоким.

Что мне было делать с парой, у которой не было ни единого достоинства?

Не говоря уже о том, что она рабыня, у неё даже не было тела, способного доставить мне удовольствие.

Уже в трёхтысячный раз я задавался вопросом, не сыграла ли со мной лунная богиня злую шутку.

Глава 11. Изменение Валери

Как она могла поставить меня, альфу, в пару с кем-то, кого даже на людях показать стыдно?

Я даже не хотел, чтобы другие знали о нашей связи. Это было унижительно и оскорбительно для моего статуса.

Я хотел кого-то, кто мог бы возбуждать меня так, как Инносент.

При мысли об Инносент я почувствовал, как всё внутри сжалось, а определённая часть моего тела проснулась.

Прошлая ночь была чудесной. Инносент знала, как сделать меня счастливым. Она знала, где и как прикасаться.

Она знала, когда позволить мне делать всё, что я захочу. Прямо как прошлой ночью. Даже когда я потребовал привязать её к кровати и взять сзади, потому что не хотел смотреть ей в лицо, она ни разу не пожаловалась.

Она улыбнулась мне и просто сказала кокетливым голосом: «Делай что хочешь, мой альфа!» Этого было достаточно, чтобы я воспарил.

Это также сексуально возбудило меня, и в итоге я выместил всё своё разочарование из-за Валери на Инносент.

И всё же Инносент ни разу не пожаловалась. Когда я закончил и попросил её уйти из моей комнаты, она оделась и ушла без лишних вопросов.

А Валери, которая должна была быть моей парой, вела себя как деревянная кукла, даже когда я стоял так близко к ней.

«Неужели это всё потому, что она не пробудила своего волка?» – в который уже раз задался я вопросом о поведении Валери.

Подумав, что сегодня ничего не добьёшься, я развернулся и ушёл без единого слова.

Валери ПОВ

Я не заметила, когда Майк ушёл с кухни, потому что полностью от него отключилась.

Лишь когда пожилая повариха напомнила мне, что пора подавать завтрак, я очнулась от своих мыслей и начала носить тарелки и подносы с едой к столу, как и всегда каждое утро.

Как только с этим было покончено, моя рутина продолжилась как обычно.

И как раз когда я освоилась со своими привычными делами, от кухонной двери донёсся мужской голос.

– Валери, Бета Амон хочет видеть тебя через три минуты. – Это был один из членов стаи. Моё сердце ушло в пятки, когда я услышала о вызове Беты.

Ничего хорошего такие вызовы никогда не сулили.

Я глубоко вздохнула и ответила: «Да». Затем вытерла руки кухонным полотенцем, разгладила складки на своём поношенном платье и вышла, опустив голову.

Я проходила мимо членов стаи, которые даже не удостоивали меня взглядом. Я никогда не поднимала головы, но всё замечала.

Это вошло у меня в привычку. Если я хотела прожить день без наказания, я должна была знать всё обо всех и обо всём в стае.

Таким образом, я могла избежать неприятностей, не наступив кому-нибудь на хвост.

Я подошла к кабинету Беты и, глубоко вздохнув, дважды постучала в дверь.

– Войдите, – донёсся изнутри низкий голос.

Я не стала медлить, хотя моё сердце буквально застряло в горле, потому что я не знала, зачем меня вызвали.

Я давно научилась не показывать эмоций. Потому что, как только ты дашь этим больным людям в стае реакцию, они воспользуются этой слабостью, чтобы сломить тебя.

Я толкнула дверь и вошла внутрь.

Обстановка кабинета выглядела такой же серьёзной, как и человек, сидящий за столом.

Всё было чистым, упорядоченным и несколько холодным, с преобладанием серых тонов.

Серые шторы, серая краска, серый стол. Серость нарушала лишь несколько неуместная белая ваза с цветами, стоявшая на столе.

Я была уверена, что такой серьёзный человек, как Бета Амон, никогда бы не стал утруждать себя подобным.

Должно быть, его пара заставила его это сделать.

– Сообщили, что вчера ты опоздала на смену, – ровно произнёс Бета Амон.

– Да, – ответила я, не поднимая головы. – Я прошу прощения, – продолжила я.

– Никаких оправданий?

– Нет.

Бета долго изучал меня, прежде чем заговорить снова.

– Альфа Майк попросил перевести тебя на другую работу, – наконец сказал он.

– Перевести? – Это застало меня врасплох, заставив поднять голову и посмотреть прямо на Амона.

Амон был шокирован ясностью в этих глазах. Они не были похожи на глаза рабыни.

Они были яркими и полными жизни. Совсем не то, чего ожидаешь от человека, который годами терпел издевательства и унижения.

Я тут же осознала свою ошибку и немедленно опустила голову, пряча глаза.

Амон глубоко вздохнул и ответил: «Да, перевести. Он хочет, чтобы ты работала в доме стаи. Уборка и выполнение поручений».

Я не дура. Я поняла, что Майк сжимает мою клетку.

Большую часть времени он проводил в доме стаи, так как там находился его кабинет.

Если я буду работать в доме, ему не придётся идти до самой кухни, чтобы найти меня.

Он сможет буквально учуять меня, где бы я ни была.

Я знала, что у меня нет выбора, поэтому приняла новое назначение без вопросов.

– Да.

Бета отпустил меня жестом, и я развернулась и вышла из кабинета.

Если Майк думал, что таким образом сможет заставить меня подчиниться и уступить, то он ошибался.

Если он создаст для меня клетку, я изучу её форму и буду маневрировать, подстраиваясь под его движения.

Я не вернулась на кухню. Я пошла напрямиком в дом стаи, чтобы приступить к своим новым обязанностям.

Первым местом, которое мне нужно было убрать, была общая гостиная.

Учитывая, сколько членов стаи там жило, можно было представить себе размеры этого дома.

Я задалась вопросом, не был ли это ещё один способ, который Майк нашёл, чтобы мучить меня.

По крайней мере, на кухне я могла урвать немного отдыха, пока члены стаи ели.

Но уборка этого огромного дома займёт весь день и, вероятно, половину ночи.

Но у меня не было такой роскоши – ставить под сомнение решения альфы.

Глава 12. Жестокость Майка

Несколько членов стаи сидели в гостиной, смотрели телевизор и ели попкорн и другие закуски.

Мусор был разбросан повсюду – и на видных местах, и в тех, что пришлось бы искать с фонарём. Но его всё равно было невозможно не заметить.

Я немедленно приступила к работе.

Я пошла в кладовку и достала веник, жёсткую щётку, ведро и другие принадлежности для уборки.

Начать я должна была с гостиной, а уже потом переходить к другим комнатам.

Я подметала и мыла пол от углов к двери, обходя те места, где сидели и смотрели телевизор.

Но в конце концов мне пришлось убраться и там.

Поэтому я вежливо подошла и начала собирать разбросанные повсюду закуски.

Я намеревалась собрать их в одном месте, протереть стол и аккуратно расставить всё для них.

Но стоило мне коснуться пачки чипсов, как я тут же попала в беду.

– Зачем ты трогаешь мои чипсы своими паршивыми руками? Пытаешься стащить мои закуски? – взвилась Анита, как только я прикоснулась к чипсам. Любому было ясно, что она только и ждала этого момента.

Я знала, кто она такая. Близкая подруга Инносент. Без сомнения, это она её и надоумила.

Поскольку Инносент боялась гнева Майка, она воспользовалась помощью своих мелких приспешниц, чтобы сорвать на мне злость.

– Я просто убираюсь, – тихо ответила я.

– Убираешься? Скорее, подчищаешь всё себе в желудок. Ты ведь никогда не видела таких дорогих закусок, правда? Хочется попробовать, да не по карману. Если так хотела, могла бы просто попросить. Воровать-то зачем? – продолжала бессовестно клеветать на меня Анита.

Остальные в гостиной прекрасно понимали, что происходит, но все сидели тихо, будто их здесь и не было.

Анита была подругой Инносент, а все знали, что Инносент станет Луной, поэтому лучше было не переходить дорогу подруге будущей Луны из-за какого-то ничтожества.

– Повторяю, я просто убиралась. Я не собиралась брать ваши закуски, – подчеркнула я, хотя и знала, что в этой стае моя невиновность мало что значит.

– Хочешь сказать, я лгунья? – повысив голос, спросила Анита.

– Я не это имела в виду, – стала защищаться я.

– А что ты тогда имела в виду? Ты пыталась украсть мои чипсы или нет? – Анита вынуждала меня признаться в краже, ведь если я скажу «нет», то получится, что я называю её лгуньей.

Но если я признаюсь, на меня повесят ещё один ярлык – воровка.

Я глубоко вздохнула, наконец подняла голову, посмотрела Аните прямо в глаза и ответила: «Я не краля. Я убирала ваши закуски со стола, чтобы протереть его.

И мне всё равно, верите вы мне или нет».

Впервые за восемь лет я вот так распрямила спину перед кем-то.

Впервые я подняла голову и говорила с кем-то, глядя прямо в глаза.

И хотя я знала, что за этим последует, с меня было довольно. Я больше не буду их коврик для вытирания ног.

Если смогут – пусть убьют. Всё равно, если я умру, страдать будет их будущий альфа.

Поскольку связь пары всё ещё действовала, в случае моей смерти он не только будет страдать от физической и душевной боли, но и потеряет часть своей силы.

Я не собиралась упускать такую прекрасную возможность.

Ответив Аните, у которой в этот момент от шока отвисла челюсть, как и у всех остальных, я снова наклонилась и продолжила убираться, как будто в комнате кроме меня никого не было.

ПОВ Аниты

Я стояла в шоке, разинув рот так, что туда, казалось, могло бы влезть утиное яйцо.

Я впервые так отчётливо видела лицо Валери. Она всегда ходила сгорбившись, вечно ссутулившись, вечно опустив голову.

Даже когда мы набрасывались на неё толпой и избивали, она никогда не поднимала головы, чтобы защититься или дать сдачи.

Сегодня я впервые увидела её ясные, но холодные глаза. Её взгляд был таким пронизывающим, что у меня сердце дрогнуло.

Но ещё больше меня удивил шок, который от одного её взгляда испытал мой волк. Мою волчицу нельзя было назвать самой большой и свирепой в стае, однако, столкнувшись с безволчьей дрянью вроде Валери, она без проблем могла запугать её до безумия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.